

Александр Мир Кадук

Тень прошлого. 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Радомир Кадук

Тень прошлого. 2 часть. Роман

«Автор»

2026

Кадук Р.

Тень прошлого. 2 часть. Роман / Р. Кадук — «Автор», 2026

Марк и Никита бегут из Москвы в Тулу, спасаясь от прошлого. Они теряют всё, но находят друг друга. Чтобы вылечить смертельно больного брата, Марк идёт на сделку с криминалом, платя за жизнь Никиты собственной свободой и побоями. Однако тайна, которую хранит старый враг, переворачивает всё: Марк становится владельцем «Империи» и обретает бабушку, которую никогда не знал. Кажется, наступает покой. Но жестокий эксперимент превращает Марка в ребёнка, а предательство друга Серёжи уничтожает всё, что они построили. В огне и пепле братья теряют дом, но не друг друга. Теперь им предстоит заново учиться жить, дружить, любить и бороться с тенями прошлого — организацией «И», матерью Еленой и новой угрозой, которая идёт по их следу. Это история о силе братства, о том, что даже когда тело становится слабым, дух остаётся несокрушимым. И о том, что после самой тёмной ночи всегда наступает рассвет.

© Кадук Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вводная часть	5
Глава 1. Дорога в никуда	6
Глава 2. Под старым дубом и первая искра надежды	8
Глава 3. Новый день	12
Глава 4. Разговор с доктором	15
Глава 5. Марк и банда	18
Глава 6. Цена лжи	21
Глава 7. Исповедь	25
Глава 8. Следы на дороге	28
Глава 9. Первый рабочий день	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Радомир Кадук

Тень прошлого. 2 часть. Роман

Вводная часть

Дорогой читатель!

Эта книга — история о выживании. О том, как из самой тёмной бездны можно подняться к свету, даже когда кажется, что надежды больше нет. Она родилась из множества наблюдений за реальными людьми, из историй, услышанных в приютах и больницах, из слёз и смеха тех, кто прошёл через несправедливость и не сломался. Но я хочу, чтобы вы знали: всё, что вы прочтёте на этих страницах, — вымысел.

Все имена персонажей, названия организаций, географические адреса, события и диалоги являются плодом воображения автора или используются в художественном контексте. Любые совпадения с реально существующими людьми, живыми или умершими, компаниями, государственными учреждениями или происшествиями следует считать случайными и непреднамеренными.

Я должен вас предупредить: в книге присутствуют сцены, которые могут показаться жестокими или вызывающими дискомфорт. В тексте встречаются описания физического и психологического насилия, сцены побоев, травм, потери близких, а также эпизоды, затрагивающие темы смерти, болезни, предательства и отчаяния. Герои используют нецензурную лексику — не потому, что это красиво, а потому что это правда. Иногда в самые чёрные моменты человеку не остаётся иного языка.

Но позвольте мне сказать и другое: эта книга — не о боли. Она о любви. О той любви, которая заставляет брата идти сквозь огонь ради брата, которая превращает страх в мужество, а одиночество — в семью. Это история о том, что даже в мире, где царят жестокость и несправедливость, есть место для надежды. И что самый тёмный час всегда наступает перед рассветом.

Я не оправдываю насилие. Я не призываю к нему. Я лишь показываю жизнь такой, какой она иногда бывает — без прикрас. И если вы решите перевернуть страницу, знайте: впереди будет больно. Но в конце вас ждёт свет. Потому что наши герои — они не сдаются. Они учатся прощать, верить и любить заново. И я верю, что их путь отзовётся в вашем сердце.

Спасибо, что открыли эту книгу. Спасибо, что идёте с ними до конца.

С уважением, автор.

Глава 1. Дорога в никуда

Ночь была студёной, и даже воздух казался жидким льдом. Марк стоял на плоской крыше больницы, прижимая к груди тело Даши, и смотрел, как город внизу медленно погружается в сон. Огни гасли один за другим, будто кто-то задувал свечи, и только редкие фонари ещё отчаянно боролись с тьмой, выхватывая из мрака мокрый асфальт, блестящий, как змеиная кожа. Ветер швырял в лицо мелкие капли — не то дождь, не то морось, — и они, смешиваясь со слезами, стекали по щеке Марка, оставляя на коже ледяные дорожки.

Он почти не чувствовал холода. Только тяжесть: тело Даши, прильнувшее к нему, казалось одновременно невесомым и невыносимо тяжёлым. Он смотрел на её лицо — бледное, спокойное, с закрытыми глазами, с губами, которые больше никогда не дрогнут в улыбке, — и где-то внутри, в том месте, где раньше жила надежда, разрасталась глухая, холодная пустота.

— Ты ушла, — прошептал он, и голос его сорвался. — А я даже не помню, как ты смеялась. Всё ускользает. Как дым.

Он сидел так, прижимая её к себе, пока небо на востоке начало светлеть — сначала робко, серо-жемчужно, потом всё смелее, золотом и розовым. Когда солнце, наконец, пробилось сквозь тучи, он поднялся. Ноги затекли, но он не обратил внимания. Он взял Дашу на руки — она была такая лёгкая, будто внутри неё больше ничего не осталось, только память, — и пошёл вниз по пожарной лестнице, ступая осторожно, чтобы не упасть.

Никита шёл рядом. Он не плакал — слёзы кончились ещё вчера, — но его лицо было серым, как асфальт под ногами. Он держался за перила, и каждый шаг давался ему с трудом: болезнь уже успела выпить из него силы, оставив только бледную тень мальчика, который когда-то бегал по крышам и смеялся.

— Мы должны дать ей покой, — сказал Марк, когда они вышли на пустынную улицу, и голос его был сухим, как потрескавшаяся земля. — Не здесь. Не в этом городе.

— Куда мы пойдём? — спросил Никита, и в его голосе проскользнула дрожь — не от холода, от безнадёжности.

— Я не знаю, — честно ответил Марк. — Но мы должны уйти. Здесь слишком много боли. Каждый камень, каждый фонарь — всё кричит о том, что мы потеряли.

Он перевёл взгляд на брата — на его прозрачную кожу, на тени под глазами, на кадык, который остро выпирал на тонкой шее. Никита был болен. Марк знал это. Он чувствовал это каждую ночь, когда брат кашлял во сне, когда его руки дрожали, когда он смотрел на Марка с надеждой, которая, казалось, вот-вот погаснет.

— Мы пойдём пешком, — сказал Марк, и его голос прозвучал твёрже, чем он сам ожидал. — В Тулу. Говорят, там есть больница. Там можно получить помощь. И там... там нас никто не будет искать.

— Пешком? — переспросил Никита, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на страх. — Это же сотни километров, Марк. Мы не дойдём.

— Дойдём, — ответил Марк, и слова эти были тяжелее, чем тело Даши у него на руках. — Мы должны. Ты должен выжить. А я... я не могу больше оставаться в Москве. В этом городе, где я потерял всё. Даже память.

Они пошли. Сначала по пустым, ещё сонным улицам, потом по шоссе — серой ленте, которая уходила в никуда. Марк нёс Дашу, и каждый шаг отдавался болью в плечах, в спине, в груди, где свистела астма, но он не останавливался. Никита плёлся рядом, иногда спотыкаясь, иногда задерживаясь, чтобы перевести дыхание, — но он шёл.

Первый день был самым тяжёлым. Ноги гудели, в груди Марка свистело так, будто там поселился ветер, но он двигался вперёд, как заведённый. Он думал о Даше. О её улыбке, которая теперь жила только в его воображении. О её руках — прохладных, но таких родных. О её

голосе, который звал его по имени, когда он проваливался в темноту. Но лицо... лицо ускользало каждый раз, когда он пытался за него ухватиться. Оно таяло, как утренний туман, оставляя после себя только тепло, которого больше не было.

— Ты устал, — сказал Никита, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая горизонт в цвет старой меди. — Давай отдохнём.

— Нет, — ответил Марк, но голос его был слабее, чем ему хотелось бы. — Мы должны идти дальше.

— Марк, ты упадёшь, — сказал Никита, и в его голосе появились твёрдые ноты. — Ты уже три часа несёшь её. Давай я понесу.

Марк посмотрел на брата — на его тонкие, дрожащие руки, на бледное лицо, на влажный лоб. Он знал, что Никита не выдержит и ста шагов. Но он также знал, что сам сейчас на пределе.

— Хорошо, — сказал он, опуская Дашу на траву, которая была влажной и холодной. — Мы отдохнём. Но недолго.

Они сели на обочине, прижавшись друг к другу, как два зверька, застигнутые зимой. Ночь опускалась на землю — сырая, липкая, полная шорохов и далёких собачьих лаев. Марк снял куртку и укрыл Дашу, хотя знал, что она уже не чувствует ни холода, ни тепла.

— Расскажи мне о ней, — сказал он, глядя в небо, где зажигались первые звёзды. — Расскажи, какой она была.

Никита долго молчал. Он смотрел на звёзды, и его дыхание было ровным, почти спокойным. Когда он заговорил, голос его был тихим, похожим на шелест листьев:

— Она была невероятной. Улыбалась всегда. Даже когда было трудно, она находила повод для улыбки. Она верила в тебя, Марк. Больше, чем кто-либо. Она говорила, что ты изменишь мир. Что ты сделаешь что-то важное.

— Я не сделал ничего важного, — сказал Марк, и голос его дрогнул. — Я не смог защитить её.

— Ты сделал всё, что мог, — ответил Никита, и в его голосе зазвучала сталь, та самая, что появлялась в самые трудные моменты. — Ты спас многих детей. Ты дал им надежду. Она знала это. Она гордилась тобой.

Марк молчал. Слезы текли по его щеке, и он не вытирал их. Он позволял им течь, чувствуя, как они смывают грязь, боль, усталость. Впервые за долгое время он позволил себе быть слабым.

— Я не помню её лица, — прошептал он, и голос его сорвался. — Я помню её смех. Помню, как она говорила. Но её лицо... оно ускользает. Я боюсь, что забуду её навсегда.

— Ты не забудешь, — сказал Никита, сжимая его руку. — Она останется в твоём сердце. Даже если ты не помнишь её лица, ты помнишь, что она чувствовала. Ты помнишь, что она была рядом. Этого достаточно.

Они сидели в тишине, глядя на звёзды, и Марк чувствовал, как внутри него разливается странное спокойствие. Он не знал, что ждёт их впереди. Он не знал, будет ли завтра. Но он знал: они не одни.

Вокруг них простиралась холодная, тёмная земля — и где-то вдали, за горизонтом, ждала Тула. И новая надежда.

Глава 2. Под старым дубом и первая искра надежды

Тула встретила их серым, промозглым утром — таким же, как все утра за последнюю неделю. Город был чужим, незнакомым, но в нём, вопреки всему, угадывалась жизнь: дымок из печных труб, мокрый асфальт, пахнувший морозной свежестью, и где-то далеко — петушиный крик, такой домашний, что у Марка кольнуло в груди. Он остановился на въезде в город, перевёл дыхание и посмотрел на брата.

Никита стоял, чуть покачиваясь, и его лицо было бледнее обычного — губы посинели, под глазами залегли глубокие тени. Он смотрел на серые крыши, на запотевшие окна троллейбусов, и в его взгляде уже не было прежней искры. Только усталость и тихая, почти смиренная боль.

— Мы здесь, — сказал Марк, стараясь, чтобы голос звучал бодро, хотя внутри всё дрожало. — Мы дошли.

— До чего? — усмехнулся Никита, и усмешка вышла кривой, болезненной. — До города, где нас никто не ждёт?

— До места, где мы начнём новую жизнь, — твёрдо ответил Марк, чувствуя, как слова эти тяжестью ложатся на язык. — Но сначала... сначала мы должны попрощаться с Дашей.

Он посмотрел на тело, которое нёс на руках уже столько долгих дней. Даша была лёгкой — слишком лёгкой, словно из неё ушло всё, что когда-то делало её живой. Марк знал, что это не он стал сильнее. Это она уходила, оставляя после себя только тишину и холод.

Они пошли по улицам, не спрашивая дороги. Марк словно чувствовал, куда ведёт его сердце — он свернул в узкий переулок, потом на тропинку, которая ныряла в старый парк. Деревья здесь стояли голые, но могучие; их кроны сплетались над головой, образуя серый, кружевной шатёр. Где-то вдалеке смеялись дети, но здесь, в глубине парка, было безлюдно и тихо, только ветер шелестел сухими листьями, нанизанными на ветки, как старые письма.

И вдруг Марк увидел его — старый дуб. Исполинский, раскидистый, с корнями, которые, казалось, уходили в самое сердце земли. Он стоял на небольшой поляне, и его ветви тянулись к небу, как руки, просящие о прощении. Марк остановился. Что-то внутри него замерло, а потом — с силой, которую он не мог объяснить, — его потянуло к этому дереву. Место дышало покоем. Дышало вечностью.

— Здесь, — сказал он, опуская Дашу на влажную землю. — Мы похороним её здесь. Под этим дубом.

Никита подошёл ближе, опустился на колени и провёл рукой по волосам Даши — мягким, ещё хранящим запах её шампуня. Он не плакал. Только смотрел на неё и молчал.

— Она любила деревья, — наконец выдохнул он. — Говорила, что в каждом дереве живёт душа. Что они помнят всё, что видели. Здесь ей будет хорошо.

Марк молчал. Он не помнил этих слов, но они отозвались в нём глухим эхом, как воспоминание о чём-то давно забытом, но всё ещё тёплом. Он снял куртку, опустился на колени и начал рыть землю — голыми руками, царапая мёрзлый грунт, раздирая кожу о корни и камни.

Никита пытался помочь, но его руки дрожали, а дыхание было прерывистым, и Марк, краем глаза заметив это, сказал:

— Сиди. Я сам.

Когда яма была готова — неглубокая, но аккуратная, — они положили Дашу в неё. Марк наклонился и поцеловал её в лоб. Кожа была ледяной, но он не отшатнулся. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле, и только беззвучное движение губ выдавало его молитву. Он просто стоял и смотрел на неё — на её спокойное лицо, на закрытые глаза, на её руки, сложенные на груди.

— Прощай, Даша, — прошептал он, и голос его сорвался. — Ты всегда будешь в наших сердцах.

Они засыпали яму, и Марк нашёл плоский камень, чтобы положить его на могилу. Камень был тёплым — странно, потому что утро было холодным, — и Марк, коснувшись его, почувствовал, как тепло разливается по пальцам. Он не написал на нём ничего, но знал: этого достаточно. Её именем будет ветер. Её голосом — шелест листьев.

Они стояли у могилы, и Марк чувствовал, как внутри него разливается странное, почти забытое спокойствие. Даша стала частью этого места — частью этой земли, этого дуба, этого ветра. И когда он смотрел на небо, он знал: она где-то рядом.

— Нам пора, — сказал он, беря Никиту за руку. — Мы должны найти больницу.

Они вышли из парка, не оглядываясь. Но Марк знал: его путь только начинается.

Больница на окраине Тулы была старой, с облупившейся штукатуркой, но ухоженной — пахло хлоркой, свежим бельём и чем-то горьким, похожим на валерьянку. Марк подошёл к приёмному покою, толкнул тяжёлую дверь и остановился на пороге. Навстречу ему вышла медсестра — женщина лет пятидесяти, в выцветшем халате, с добрым, но уставшим лицом, испещрённым сетью мелких морщин. Она оглядела Марка: его изодранную одежду, повязку на глазу, его бледное, осунувшееся лицо, потом перевела взгляд на Никиту, который едва держался на ногах, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на боль.

— Что случилось? — спросила она тихо.

— Моему брату нужна помощь, — сказал Марк, и голос его дрогнул, но он заставил себя говорить твёрдо. — У него лейкозия. Ему нужна химиотерапия. Документов у нас нет — мы потеряли всё. Но я прошу вас... помогите нам. Я сделаю всё, что угодно. Я буду работать здесь, мыть полы, выносить мусор — что угодно. Только спасите его.

Медсестра долго смотрела на Никиту — на его бледное лицо, на дрожащие руки, на тени под глазами. Потом она перевела взгляд на Марка, и в её глазах мелькнула усталая мудрость.

— Зайдите, — сказала она. — Я позову врача.

Она провела их в кабинет, где через несколько минут появился доктор — мужчина лет сорока, с аккуратной бородой и внимательными глазами, которые, казалось, видели больше, чем он показывал. Он сел за стол, жестом предложил им сесть.

— Я — Сергей Николаевич, главный врач, — представился он. — Рассказывайте.

Марк начал рассказывать. Он говорил о Москве, о приюте, о том, как они бежали, как Никита заболел, как он не знал, что делать. Он говорил честно, без прикрас — и когда он закончил, его голос дрожал, а в единственном глазу стояли слёзы.

— Я не прошу чуда, — сказал он, глядя доктору в глаза. — Я прошу просто дать нам шанс. Если вы не поможете — он умрёт. А я не могу этого допустить. Я потерял уже слишком много.

Сергей Николаевич долго молчал. Он смотрел на двух мальчиков — одного маленького, худого, с повязкой на глазу, другого почти прозрачного, с тёмными кругами под глазами, — и что-то в нём дрогнуло. Может, их глаза, полные боли и одновременно надежды. Может, то, как старший держал младшего за руку, не отпуская ни на секунду.

— У вас нет документов, — сказал он наконец. — Вы не можете получить бесплатное лечение по квоте. Но я не могу оставить вас умирать на пороге. Мы проведём предварительные анализы, начнём поддерживающую терапию. Это не полноценное лечение, но оно даст вам время. А пока будем искать способ оформить вас официально.

Марк почувствовал, как внутри него разливается облегчение — такое острое, что у него закружилась голова.

— Спасибо, — выдохнул он. — Спасибо вам огромное.

— Не благодари раньше времени, — ответил Сергей Николаевич, и в его голосе послышалась осторожная строгость. — Впереди долгий путь. Но вы сделали главное — вы дошли. Теперь будем бороться.

Никиту положили в палату на втором этаже — небольшую комнату на две койки, где вторая пустовала. Окно выходило во двор, где стояли старые липы, и было слышно, как где-то поют птицы. Марк сидел рядом с братом, держа его за руку, и чувствовал, как внутри него разливается странное спокойствие.

— Мы сделали это, — сказал Никита, глядя на брата с усталой улыбкой. — Мы нашли место, где нас приняли.

— Да, — ответил Марк. — Теперь ты будешь лечиться. И ты выздоровеешь. Я обещаю.

— А ты? — спросил Никита. — Что ты будешь делать?

— Я найду работу. Найду способ оплатить твоё лечение. — Марк сжал его руку, и в его голосе зазвенела сталь. — Я не дам тебе умереть, Никита. Слышишь? Никогда.

Никита сжал его ладонь, и в его глазах блеснули слёзы.

— Я знаю, — прошептал он. — Ты всегда был сильным. Даже когда терял всё, ты находил силы идти дальше.

— Потому что у меня есть ты, — ответил Марк. — Потому что ты — мой брат. Мы — команда.

Ночью, когда Никита уснул, Марк вышел в коридор, подошёл к окну и долго смотрел на тёмные силуэты деревьев, на редкие огни города, на небо, в котором уже зажглись первые звёзды. Он вспомнил Дашу, её руки, её голос, который он почти не помнил. Он закрыл глаз и прошептал:

— Я справлюсь. Я обещаю.

Он не знал, что ждёт его впереди. Но он знал одно: он не остановится.

Глава 3. Новый день

Марк проснулся от того, что кто-то тронул его за плечо. Он резко открыл глаз, вскинулся, готовый к бою, но перед ним стояла та же медсестра — невысокая, полноватая, с добрым лицом и аккуратной седой прядью, выбившейся из-под колпака.

— Тихо, тихо, — сказала она мягко. — Меня тётей Марией зовут. Ты проспал всю ночь на стуле, у тебя шея затекла. Пойди умойся, я принесла чай и бутерброды.

Марк моргнул, оглядываясь. Он сидел на том же стуле, на котором уснул. Рядом на койке спал Никита — его лицо было спокойным, дыхание ровным. Марк почувствовал, как всё тело затекло, а шея горела болью.

— Спасибо, — сказал он хрипло. — Сколько времени?

— Девять утра. А твой брат ещё спит. Доктор осмотрит его через час, а ты пока иди умойся. — Тётя Мария протянула ему полотенце. — Приведи себя в порядок. Ты выглядишь так, будто неделю не спал.

Марк кивнул, с трудом поднялся и пошёл в туалет. Там он долго смотрел на своё отражение в мутном казённом зеркале: бледное лицо, впалые щёки, повязка на левом глазу, волосы, слипшиеся от грязи и пота. Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла жалкой, как у старой, измождённой куклы.

«Если бы я родился в нормальной семье, — подумал он, — с отцом и матерью, у меня бы не было страхов, проблем, трудностей. Я бы жил как все. А теперь я почти всю жизнь в больнице, и брат тоже в больнице. Мы оба не видели любви. У меня была Даша. А была ли подруга у Никиты?»

Он вытер слезу, но тут же закашлялся — астма, которая доселе молчала, решила напомнить о себе. В груди засвистело, дыхание перехватило. Марк вышел в коридор, и тётя Мария, увидев его, сразу поняла, что происходит. Она посадила его на стул и сделала несколько вдохов из ингалятора.

— Тебе нужно тоже лечиться, — сказала она строго.

— Не сейчас, — выдохнул Марк, отдышавшись. — Мне некогда думать о больнице.

Никита уже проснулся и сидел на койке, потягивая воду из стакана. Увидев брата, он усмехнулся — слабо, но с прежней, знакомой теплотой.

— Тётя Мария права, — сказал он. — Ты ещё слабее меня. И мне не будет скучно, зная, что ты будешь рядом на соседней койке.

— Не смешно, — буркнул Марк, но сел на стул и принялся за бутерброд. — Как ты?

— Лучше, — сказал Никита. — Мне приснилась Даша.

Марк замер.

— Даша? — переспросил он, и голос его дрогнул.

— Да. Она стояла у окна, улыбалась. Сказала, что у нас всё будет хорошо. Что она смотрит за нами.

Марк опустил голову. Он не помнил Дашу — так, как помнил брат. Память возвращалась фрагментами: улыбка, смех, её руки, её голос, зовущий его по имени. Но она была где-то далеко, за туманом, который он не мог разогнать.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Значит, она с нами. Но если бы не тот случай...

— Ты её не помнишь? — спросил Никита.

— Немного, — честно ответил Марк. — Я знаю, что она была. Я знаю, что я любил её. Но я не могу вспомнить её лицо. Как будто кто-то вырезал кусок из моей головы.

Никита протянул руку и сжал его ладонь.

— Она любила тебя, — сказал он. — Она говорила, что ты — смысл её жизни.

— А теперь я даже не могу вспомнить её, — сказал Марк с горечью. — Какой же я смысл?

— Ты — мой смысл, — твёрдо сказал Никита. — Ты — мой брат. И ты будешь помнить её. Я помогу тебе. Я расскажу тебе всё.

Марк сжал его руку и улыбнулся — слабо, но искренне.

— А теперь рассказывай, — сказал он, переведя дух. — Что было на суде. Мы с тобой так и не поговорили.

Никита вздохнул, откинулся на подушку и начал рассказывать — о том, как родители кричали в зале, как судья ругался на них, как он, Никита, стоял и говорил о брате, о Даше, о детях, которых они спасли.

— Значит, родители были недовольны? — переспросил Марк.

— Да, некоторые. На них даже судья ругался. Они кричали, что мы ворует их детей, настраиваем против них.

Марк замолчал. Его настроение изменилось, и он почувствовал, как в левой глазнице начинает пульсировать боль — старая, знакомая боль. Он потер повязку и вдруг сказал:

— Это было покушение на убийство.

— Ты серьёзно? — нахмурился Никита. — Мужик, который был за рулём, был пьян!

— Да не её хотели убить, — сказал Марк, и в голосе его зазвенела сталь. — Тебя.

— Меня? — удивился Никита.

— Именно. А Даша просто не успела убежать. Водитель ждал, когда ты пойдёшь, а потом испугался и газанул — и наехал на Дашу. Или вы оба должны были погибнуть.

Марк замолчал, и в комнате повисла напряжённая тишина.

— Тебя предупреждали, — сказал он тихо. — Что я открыл организацию для помощи детям. Вот и некоторые родители не поняли и начали мстить.

— Как отец Серёжи, — сказал Никита.

— Именно. А если это он — Денис? Он мог организовать это?

— Но нет, брат, — ответил Марк, и в голосе его послышалась усталая уверенность. — Он любит, когда люди кричат, молят о пощаде. Он бы нас выловил и выпорол ремнём, слушая, как мы кричим. А это — кто-то другой.

— Тогда я не понимаю, — сказал Никита.

— Я тоже, — признался Марк. — Но мы узнаем. Когда-нибудь.

Глава 4. Разговор с доктором

В палату вошёл доктор Смирнов. Он выглядел уставшим — ночное дежурство выдалось тяжёлым, под глазами залегли тени, халат был мятым, но держался он бодро и голос его звучал ровно.

— Ну что, Максим, — сказал он, взглянув на историю болезни, — как ты себя чувствуешь?

Никита, бледный, с прозрачной кожей на скулах, слабо улыбнулся:

— Лучше.

— Головокружений нет? Слабости?

— Есть, — признался он, — но терпимо.

Доктор перевёл взгляд на Марка, стоявшего у окна.

— Ты его брат?

— Да, — ответил Марк, и голос его дрогнул, но он взял себя в руки. — Мы из одного приюта. Я забочусь о нём. Документов у нас нет.

Доктор кивнул, сел на шаткий стул и положил перед собой тонкую папку с анализами.

— Подтверждается острый лимфобластный лейкоз, — сказал он. — Ему нужна химиотерапия. Но процедуры дорогие, и без документов мы не можем сделать их бесплатно. Только базовую поддерживающую терапию.

Марк почувствовал, как в груди перехватило дыхание — не от астмы, от липкого, холодного страха.

— Сколько стоит полный курс? — спросил он, стараясь, чтобы голос не сорвался.

— Около трёхсот тысяч, — сказал доктор. — Но есть шанс, что он войдёт в программу помощи сиротам. Если у вас есть документы...

— Их нет, — перебил Марк, и в голосе его послышалась глухая сталь. — Но я заплачу. Я найду деньги.

Доктор посмотрел на него внимательно: слишком молод, слишком худ, слишком напряжён.

— Ты понимаешь, что это огромная сумма для человека твоего возраста?

— Понимаю. Но я сделаю всё, чтобы он выжил. Можете начать лечение? Я буду платить частями.

Доктор вздохнул, потер переносицу.

— Я попробую договориться с администрацией. Но пока — только поддерживающая терапия. А ты найди работу и жильё. Ты не можешь жить в больнице вечно.

— Я найду, — твёрдо сказал Марк.

— Нет, — вдруг тихо, но отчётливо сказал Никита. Он приподнялся на подушке, и его тонкие пальцы вцепились в простыню. — Спасибо, доктор, но мы не будем лечиться.

— Что? — Марк резко обернулся.

— У нас нет таких денег, — продолжил Никита, и в его глазах блеснула влага. — Ты себя погубишь. Я не хочу, чтобы ты...

— Ты будешь лечиться, — перебил Марк, подходя к койке и садясь на край. Он взял брата за руку — холодную, тонкую. — Ты пройдёшь лечение, и мы пойдём домой. Когда ты выздоровеешь.

— А ты? — спросил Никита.

— Моя задача — сделать так, чтобы ты ни о чём не думал, — Марк усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Понял?

Когда доктор собрался уходить, Марк остановил его:

— Доктор, можно частями? Сколько это будет стоить в месяц?

Смирнов задумался.

— Если разбить на двенадцать месяцев, выйдет около двадцати пяти — тридцати тысяч в месяц. Это всё равно больше твоей зарплаты. Но близко.

— Я найду недостающие, — сказал Марк. — Буду работать на двух работах.

— Ты погубишь себя, — покачал головой доктор.

— Я не имею права свалиться, — ответил Марк, и голос его зазвенел. — Я обещал ему, что мы выживем.

Доктор долго смотрел на него, потом выдохнул:

— Хорошо. Я попробую утвердить индивидуальный план на год. Но ничего не обещаю. А теперь — документы. Ты думал, как их восстанавливать?

— Мы потеряли всё, даже свидетельства о рождении.

— Есть один юрист, — сказал доктор, протягивая визитку. — Игорь Викторович Морозов. Работает с сиротами. Позвони ему.

Марк сжал визитку в ладони.

— Спасибо.

Выйдя из палаты, Марк ещё постоял у двери, собираясь с мыслями, потом обернулся и спросил тихо:

— Доктор, а проспект Ильича далеко отсюда?

— Нет. А что там?

— Там у моего отчима работает друг...

— Нет! — вдруг резко крикнул Никита из палаты. Он сел на кровати, и его лицо побелело. — Я лучше умру, чем позволю тебе туда пойти! Это банда, Марк!

Доктор Смирнов нахмурился.

— Он прав?

Марк молчал. Он стоял, опустив голову, сжимая кулаки. В палате повисла тяжёлая тишина.

— У меня нет выбора, — сказал он наконец глухо. — Если я соглашусь, они дадут сумму на всё лечение. Сразу.

— Ты с ума сошёл! — Никита сжал край одеяла побелевшими пальцами. — Они не прощают долгов!

Доктор шагнул к Марку и положил руку ему на плечо:

— Если ты думаешь, что спасаешь брата, то на самом деле обрекаешь его на ещё более страшную жизнь. Ты же не хочешь, чтобы он остался совсем один, если с тобой что-то случится?

Марк поднял голову. В его глазах метались отчаяние, ярость и бессильная любовь.

— Тогда что мне делать? — прошептал он.

— Позвони Морозову, — сказал доктор. — А пока дай мне слово, что не сунешься на проспект Ильича.

Марк перевёл взгляд на брата. Никита смотрел на него с такой мольбой, что у Марка сжалось сердце.

— Слово, — выдохнул он.

Глава 5. Марк и банда

Ночь выдалась тяжёлой. Марк не спал. Он лежал на жёсткой скамье в коридоре, подложив под голову куртку, и смотрел в потолок. В ушах всё ещё звенел голос Никиты: «Я лучше умру, чем позволю тебе туда пойти». И голос доктора: «Ты дашь мне слово?».

Он дал слово. Но разве оно что-то значит, когда на кону жизнь младшего? Марк знал, что такое «лечить запущенную болезнь»: в двенадцать лет он чуть не умер от пневмонии, потому что отчим Валерий тянул до последнего. В итоге Марк потерял левое лёгкое, и астма стала его вечной спутницей. Теперь он смотрел на бледное лицо Никиты и спрашивал себя: «А что могут удалить при лейкозе? Селезёнку? Костный мозг? А если не начать лечение — что останется от брата?»

В три часа ночи, когда больница затихла, Марк понял, что его слово ничего не стоит. Через два дня у него не будет даже на базовое обследование. Двадцать одна тысяча рублей — смех, а не деньги. Если он не принесёт пятьсот тысяч, Никита умрёт. И тогда его слово, его честность, его обещание — всё это будет прахом.

Он встал, бесшумно надел куртку и вышел из больницы через чёрный ход.

Проспект Ильича оказался совсем близко — два квартала вниз по разбитому тротуару, мимо закрытых ларьков и грязных подворотен. Здесь пахло сыростью, дешёвым табаком и опасностью. На углу стоял большой ресторан с вывеской «Империя» — казино, которое все местные обходили за квартал.

Марк подошёл к парадному входу, но на пороге его встретили два крепких мужчины в чёрных куртках.

— Отвали, парень! — рявкнул один.

— Мне нужно к Генадия, — сказал Марк, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я сын Валерия.

Охранники переглянулись, и один скрылся за дверью. Через минуту он вышел и махнул рукой:

— Проходи. Второй этаж.

Внутри было накурено до синевы. На первом этаже шумело казино: стучали кости, звенели фишки, за столами сидели хмурые люди. Марк проскользнул мимо столов, поднялся на второй этаж, где за большим столом сидели трое: здоровенный лысый, сутулый парень с паяльником, и сам Генадий — невысокий, плотный, с холодными серыми глазами.

Генадий узнал его сразу.

— О, гляди-ка, — усмехнулся он, откидываясь на спинку стула. — Сынок Валерин? Как там старый хрыч, сдох уже?

— Его убила жена, — сухо ответил Марк.

— Садись. Чай будешь?

— Я по делу, — Марк остался стоять. — Мне нужны деньги. Пятьсот тысяч. Сразу. Я верну с процентами.

Генадий медленно улыбнулся — улыбка не коснулась глаз.

— Пятьсот штук — не мелочь. А кто ты такой, чтобы я тебе их дал?

— Я отработаю, — сказал Марк. — Любую работу. Буду платить каждый месяц. Можете использовать меня как угодно.

Генадий закурил, выпуская дым в потолок.

— Отработаешь? С твоей астмой ты и мешок не поднимешь. Нет, парень, мне нужны живые работники. Но насчёт мальчика для битья — это интересная мысль.

Он переглянулся с лысым.

— Я помню, как Валерий заставил тебя подавать гостям. Когда тебе было лет восемь. Ты разбил бокалы, и он разрешил каждому из нас тебя отлупить. Ты не закричал. Я тогда подумал: «Крепкий орешек».

Генадий прищурился:

— Так и быть. Я дам тебе пятьсот. Но слушай условия. Ты работаешь охранником в моём казино и официантом. Зарплата — десять тысяч в месяц. Всё остальное идёт на погашение долга. Если опоздаешь с платежом — мы заберём твоего брата. Понял?

Марк похолодел, но выдал:

— Понял.

— Четвёртое: никто не должен знать, что ты работаешь на меня. Молчок.

— Молчок.

Генадий кивнул лысому, и тот достал из сейфа пачку купюр — двести тысяч. Положил на стол.

— Это задаток. Остальные получишь, когда принесёшь расписку. А пока я хочу увидеть твою решительность.

Он кивнул лысому, и тот не спеша растегнул ремень, вытянул его из шлёвок и, размахнувшись, ударил Марка по спине. Марк сжал зубы, но не закричал. Второй удар — по боку, третий — по плечу. Он только часто задышал, сдерживая кашель, и стиснул кулаки до побелевших костяшек.

Генадий усмехнулся.

— Завтра в пять вечера приходи. И помни: если обманешь — не доживёшь до следующего дня.

Марк взял деньги, сунул во внутренний карман и вышел, стараясь не бежать. Только на улице он прислонился к стене, давая себе выдохнуть. В кармане лежали двести тысяч — и проклятие. Он посмотрел на больничные окна, где спал Никита, и прошептал:

— Прости, брат. У меня не было выбора.

Он вернулся в больницу незаметно, проскользнул в палату. Никита спал, повернувшись к стене. Марк сел на стул, положил голову на край койки и закрыл глаза.

В кармане лежали деньги. И в голове — только одна мысль: «Ты сделал это. Теперь живи с этим».

Глава 6. Цена лжи

Утро встретило Марка тупой, ноющей болью в спине и боку. Он открыл глаз и первым делом ощупал внутренний карман куртки — деньги были на месте. Двести тысяч. Плотная пачка грела грудь, как раскалённый уголь, и каждый вдох отдавался в мышцах, которые вчера так старательно обрабатывал ремень лысого.

Никита ещё спал. Марк бесшумно вышел в коридор, нашёл туалет и, оставшись один, стянул футболку. В мутном зеркале он увидел себя: худое тело, бледная кожа, и через плечо — три багровых полосы, уже начинавшие синеть, расходящиеся к лопаткам, как следы когтей. Он поморщился, опустил футболку и направился в ординаторскую.

Доктор Смирнов сидел за столом, допивая остывший кофе и просматривая бумаги. Увидев Марка на пороге, он поднял брови.

— Ты рано. Что-то случилось?

Марк зашёл, прикрыл за собой дверь и выложил на стол пачку денег. Банковские резинки туго стягивали купюры, пахло свежей типографской краской и потом.

— Вот, — сказал Марк, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Двести тысяч. Задаток. Остальные будут в ближайшие дни. Начинайте лечение.

Доктор Смирнов медленно положил чашку, снял очки и уставился на деньги. Потом перевёл взгляд на Марка. В этом взгляде не было радости — только настороженность и холод.

— Откуда, — спросил он тихо, — у тебя двести тысяч? Вчера у тебя не было ни копейки.

— Я нашёл работу, — сказал Марк, чувствуя, как внутри всё сжимается. — Охранником в частной фирме. Дали аванс.

— Какой фирме? — доктор не отводил глаз. — Назови.

— Это неважно, — Марк отвёл взгляд. — Главное, деньги есть.

Смирнов встал, обошёл стол и приблизился к нему. Он был выше, старше и видел насквозь любую ложь — за двадцать лет работы он насмотрелся на родителей, приносящих «честно заработанные» деньги, купленные потом, кровью или чужой бедой.

— Ты дал мне слово, — сказал он, и в голосе зазвенел металл. — Ты поклялся, что не пойдёшь на проспект Ильича. А теперь ты стоишь передо мной с деньгами, которые пахнут казино и разбоем. Это же «Империя» Генадия! Ты был у него!

Марк побледнел, но промолчал.

— Ты нарушил слово, — продолжил доктор, и его голос дрогнул от гнева. — Ты обманул меня. Обманул брата. Я взялся помогать вам, потому что поверил в твою честность. А ты не просто переступил черту — ты в неё прыгнул. И знаешь, что самое страшное? — он шагнул

ближе. — Ты принёс эти деньги в больницу. Если администрация узнает, что лечение оплачено криминалом, нас закроют. Меня уволят. А Никиту переведут в обычную палату без химии, и он умрёт. Ты об этом подумал?

Марк стоял, не поднимая глаз. В груди разрастался горячий ком стыда.

— Я... я не подумал, — прошептал он.

— А надо было, — жёстко сказал Смирнов. — Я врач. Я давал клятву — лечить, не причиняя вреда. И я нарушаю её, если закрываю глаза на то, откуда взялись эти деньги. Ты заставляешь меня лгать вместе с тобой.

Он замолчал, тяжело дыша. Тишину нарушало только тиканье настенных часов.

И вдруг он заметил, что Марк стоит странно — чуть склонившись набок, придерживая рукой бок. И лицо его было бледнее обычного, а под глазами залегли тени.

— Ты что, заболел? — спросил Смирнов, нахмурившись. — Сними куртку.

— Всё нормально, — Марк сделал шаг назад.

— Я сказал — сними.

Марк медленно расстегнул молнию, стянул куртку, потом — с усилием — футболку. И Смирнов увидел. Три длинных, багрово-синих полосы, пересекающих спину и бок, уже начавшие превращаться в сплошной синяк. Кожа вокруг них была вздутой, горячей.

Доктор ахнул. Он подошёл, взял Марка за плечо, развернул, рассматривая повреждения, и лицо его изменилось. Гнев уступил место чему-то другому — смеси ужаса и глубокой, мучительной боли.

— Это ремень, — констатировал он тихо. — Тебя били ремнём. Это вчера? За эти деньги?

Марк молчал, глядя в пол.

— Зачем ты это сделал, дурак? — голос доктора охрип. — Ради лечения? Ты мог погибнуть там. Они могли тебя покалечить, убить! Ты понимаешь, что твой брат остался бы один?

— Я понимаю, — ответил Марк, и голос его был тих, но твёрд. — Но если бы я не пришёл, он бы умер. А так у него есть шанс. Пусть битый, пусть продажный, пусть лгун — но живой. Это моя единственная правда.

Смирнов отшатнулся, как от удара. Он смотрел на мальчишку — тощего, избитого, с глазами, в которых горела безумная, нечеловеческая любовь, — и чувствовал, как его гнет тает, уступая место чему-то огромному, что сжимает горло.

— Ты идиот, — прошептал он. — Ты самый безрассудный, самый глупый человек, которого я встречал. Ты нарушил все правила, всю мораль — и ради чего? Ради того, чтобы я мог смотреть на тебя с презрением... и одновременно преклоняться перед тобой.

Он замолчал. Потом выдохнул, тяжело опустил на стул и закрыл лицо руками.

— Я возьму эти деньги, — сказал он через минуту. — Но только потому, что иначе Никита действительно умрёт. Я начну лечение сегодня же. Я оформлю всё так, будто деньги поступили от благотворительного фонда. И я сделаю это вопреки своей клятве, потому что твоя любовь к брату сильнее моих правил. Но запомни, Марк: если ты ещё раз сунешься туда, я не стану тебя лечить. Я вылечу Никиту, а тебя отправлю в полицию. Ты меня понял?

— Понял, — сказал Марк. — Спасибо.

— Не благодари, — буркнул доктор, но в голосе уже не было злости. — Иди к брату. И не смей ему ничего говорить. А у тебя самого — астма и побои. Сегодня же получишь уколы и мази. Живым ты мне нужен.

Марк кивнул, натянул футболку, застегнул куртку и вышел. В коридоре он на мгновение привалился к стене, чувствуя, как дрожат ноги. Он сделал это. Деньги приняты, лечение начнётся.

Он вошёл в палату, стараясь улыбнуться. Никита уже проснулся, сидел на кровати, и его взгляд сразу упал на брата.

— Ты где был? — спросил он. — Ты не ночевал здесь.

— Ходил в кафе, — Марк сел на стул и неловко снял куртку, чтобы не задеть больную спину. Но Никита заметил гримасу.

— Сними куртку, — вдруг сказал он.

— Зачем? Там холодно.

— Сними, я сказал!

Марк вздохнул, понимая, что не отвертеться. Он снял куртку, и футболка на спине чётко обрисовала рельеф ушибов. Никита вскрикнул:

— Что это?! Марк, что это?!

— Не кричи, — Марк приложил палец к губам. — Это просто... старшеклассники. Из местных. Я ходил в кафе за углом, а там они шли мимо. Нагрубили, я ответил, ну и... получил. Ерунда, заживёт.

Никита смотрел на него недоверчиво, и в его глазах стояли слёзы.

— Ты врёшь, — сказал он. — Ты туда ходил? К Генадии?

— Нет, — Марк покачал головой. — Клянусь. Это просто уличные драчуны. Я больше туда не пойду. Обещаю.

— А на проспект? — голос Никиты дрогнул.

— Ни ногой, — Марк взял его за руку и сжал. — Честное братское. Слышишь?

Никита долго смотрел на него, пытаясь найти ложь, но Марк выдержал взгляд. Он уже научился врать — ради брата, ради спасения. Он знал, что это неправильно, но иного выхода не было.

— Ладно, — выдохнул Никита. — Верю. Но если узнаю...

— Не узнаешь, — перебил Марк, улыбнувшись. — Просто лечись, брат. Лечись и выздоравливай.

Он отвернулся, чтобы Никита не увидел его слёз, и начал поправлять одеяло. В кармане лежали остальные деньги, которые он получит завтра, и проклятие, которое он нёс на своих плечах. Но Никита улыбнулся в ответ, и это было дороже всего на свете.

Глава 7. Исповедь

Лечение началось. Никите поставили первую капельницу, и он уснул — бледный, но с лёгкой улыбкой на губах. Марк сидел рядом, держал его за руку и смотрел, как прозрачная жидкость медленно вливается в вену. Двести тысяч уже ушли на счета больницы, оставшиеся триста ждали своей очереди — их нужно было забрать сегодня вечером у Генадия.

Но внутри Марка всё кипело. Он не мог больше молчать. Ложь, которой он кормил брата, уже сжигала его изнутри хуже, чем удары ремнём. Он встал, осторожно высвободил руку, поправил одеяло и вышел в коридор.

Доктор Смирнов сидел в ординаторской, заполняя карту. Увидев Марка, он поднял голову:

— Что-то с Никитой?

— Нет, — Марк прикрыл дверь. — С ним всё хорошо. Доктор... можно с вами поговорить?

— Садись.

Марк опустился на стул, но не расслабленно — весь сжался, как пружина. Он смотрел в стол, теребя край куртки, и молчал так долго, что Смирнов уже хотел что-то сказать, но Марк заговорил первым:

— Я должен вам рассказать правду. Всю правду. Потому что я больше не могу врать. Не вам. Не Никите. Я думал, что будет просто. Возьму деньги, вылечу брата, потом найду работу, отдам долг. И всё. Как в кино. А на самом деле...

Он замолчал, сглотнул ком в горле и продолжил:

— Генадий дал мне двести тысяч. Задаток. Остальные триста он отдаст сегодня вечером. Я подпишу расписку на пятьсот тысяч с пятьюдесятью процентами годовых. Это значит, что через год я должен буду ему семьсот пятьдесят тысяч. Если я опоздаю с платежом, он заберёт Никиту. Заставит отрабатывать. Вы понимаете? Ему плевать на меня. Ему нужен рычаг. И этот рычаг — мой брат.

Доктор Смирнов побледнел, но промолчал.

— Я думал, что просто буду работать, — продолжал Марк, и голос его дрожал. — Курьером, грузчиком. А он сказал: «Ты дохлый, с твоей астмой ты и мешок не поднимешь. Будешь охранником в моём казино и официантом». Моя зарплата — десять тысяч в месяц. Всё остальное уходит на погашение долга. Десять тысяч! Я должен ему семьсот пятьдесят — а жить мне на десять. Я не расплачусь никогда. Даже за пять лет я выплачу только проценты, а основной долг останется. И это будет длиться всю жизнь.

Он поднял глаза, и в них стояли слёзы — не детские, не слабые, а злые, горькие слёзы отчаяния.

— А ещё он сказал, что если я буду плохо работать или опоздаю — меня могут наказать. Ремнём. Как вчера. И это будет не раз. Я вчера не закричал, потому что привык. Но когда я представляю, что Никита узнает... или что они тронут его... я лучше умру. Но я не могу умереть, потому что тогда он останется один. И я не знаю, что делать. Я не вижу выхода.

Смирнов слушал не перебивая. В комнате было тихо — только часы тикали да где-то в коридоре шаркала уборщица. Он снял очки, положил их на стол и долго смотрел на Марка — на этого тощего, избитого, загнанного в угол пацана.

— Ты пришёл сказать мне это, — наконец произнёс он медленно, — потому что хотел быть честным. Хотя бы передо мной.

— И то, и другое, — признался Марк. — Но в основном — первое. Я устал врать. Я врал Никите про старшеклассников, врал вам про работу... Я не хочу больше быть лгуном. Даже если меня убьют завтра, я хочу, чтобы хоть кто-то знал правду.

Смирнов встал, подошёл к окну, посмотрел на серое утро. Потом повернулся к Марку.

— Ты думаешь, что заслуживаешь наказания?

— Да, — твёрдо сказал Марк. — Я обещал вам и Никите, что не пойду. А пошёл. Я думал, что смогу контролировать ситуацию. А теперь я — их собственность. Я боюсь, что не выберусь.

— Ты уже втянул его, — жёстко сказал Смирнов, но в голосе не было злости — только горечь. — Но не потому, что ты злой или глупый. А потому, что ты любишь его так, что готов разменять себя на монеты. И я не оправдываю тебя. Но я могу понять. И я не презираю тебя, Марк. Я боюсь за тебя. Боюсь, что ты сломаешься. Что твоя астма сдаст, что они тебя убьют — и тогда Никита останется один.

Марк молчал, по его щеке скатилась слеза.

— Думал, — прошептал он. — Но по-другому не получается. Если я остановлюсь сейчас — он умрёт. А если продолжу — может, выживем оба. Или я умру, а он выживет. Мне всё равно, лишь бы он жил.

Смирнов подошёл к нему, положил руку на плечо — чуть выше синяков.

— Ты не заслуживаешь побоев, — сказал он твёрдо. — Ты заслуживаешь того, чтобы кто-то тебя спас. Но я врач, я не могу вытащить тебя из этой ямы. Я могу только лечить твоего брата. Но если ты хочешь быть честным — будь честным до конца. Скажи Никите правду.

— Нет! — Марк резко поднял голову. — Если он узнает, он откажется от лечения. Пусть думает, что я просто работаю. Пусть живёт с этой ложью, но живёт. Я сам виноват — мне и расхлёбывать.

Смирнов покачал головой, но спорить не стал.

— Тогда хотя бы обещай мне одно, — сказал он. — Если станет совсем неспособен, если они перейдут грань — ты придёшь ко мне. Или в полицию. Ты не один.

Марк поднял на него глаза — заплаканные, красные, но снова твёрдые.

— Обещаю, — сказал он, хотя оба знали, что это обещание он, скорее всего, нарушит.

Глава 8. Следы на дороге

Прошло семь месяцев.

Семь долгих месяцев, как Марк и Никита исчезли из Москвы, оставив после себя только записку, старый шарф и память, которая жила в сердцах сотен людей. Город не забыл их. Он не мог забыть.

В школе №217 на стене по-прежнему висел портрет троих — Марка, Никиты и Даши. К нему каждый день приносили живые цветы. Ученики, которые когда-то приходили в кабинет №217 за помощью, теперь сами стали волонтерами. Организация жила, росла, помогала новым детям. Но в воздухе висела тихая тоска — тоска по тем, кто ушёл.

Серёжа, тот самый мальчик, которого Марк спас от отца, теперь учился в девятом классе. Он вытянулся, окреп, но в его глазах всегда горел тот же огонь, что и у Марка. Каждый день после уроков он заходил в кабинет №217, садился за стол и смотрел на шарф, висящий на стуле. Он знал, что братья живы. Он чувствовал это.

Но никто не знал, где они.

Детектив Влад сидел в своём кабинете, заваленном картами, фотографиями и распечатками. Он не спал уже третьи сутки. Семь месяцев назад он взялся за это дело не ради денег — он взялся потому, что поверил в того мальчика с одним глазом, который пришёл к нему и сказал: «Я не дам детям страдать». Влад не мог забыть его взгляд.

Он перебирал улики. Последняя зацепка была в небольшом посёлке в Тверской области. Местный фермер видел двух парней, похожих по описанию: один с повязкой на глазу, другой — беловолосый. Они шли по трассе, не останавливаясь. Фермер предложил подвезти их, но они отказались: «Мы идём своим путём».

Влад выехал туда на следующий день. Он опросил фермера, показал фотографии. Тот подтвердил: это они. Но дальше след терялся. Камеры на трассе не зафиксировали их, никто больше их не видел. Как будто они растворились в воздухе.

Влад сидел в машине, глядя на карту. Он обвёл красным маркером все места, где их видели за последние полгода: Рязань, Владимир, Кострома, Тверь. Они двигались хаотично, но всегда на северо-запад. Как будто шли к какой-то цели.

Он позвонил директрисе Антонине Петровне. Та ответила после первого гудка.

— Влад, есть новости?

— Пока нет, — честно сказал он. — Но я знаю, что они живы. Их видели в Тверской области. Они идут пешком.

— Может, они ищут мать? — предположила директриса.

— Я проверял, — сказал Влад. — Елена Андреева выехала из России в 2000 году. Последний раз её видели в Германии. Но след обрывается.

— Они безумцы, — тихо сказала Антонина Петровна. — Но они выживут.

— Я не сдамся, — сказал Влад. — Я найду их.

Глава 9. Первый рабочий день

За окнами больничной палаты медленно угасал серый, тусклый день. Пахло лекарствами, стерильным бельём и той особенной больничной тоской, которая, кажется, пропитывает сами стены. Марк сидел на подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел, как по мокрому асфальту шлёпают редкие прохожие. Пальцы нервно теребили край куртки. Внутри всё сжалось в тугой комок: через час он должен быть в «Империи». Первый рабочий день. Первое унижение. Первая плата за жизнь брата.

Но его не выпускал тот самый брат. Сегодня Марк должен подписать расписку и получить вторую часть средств. Если он не появится, всё будет зря. Надо было убедить Никиту.

Никита лежал на койке, прикрыв глаза, но не спал. Он давно научился читать брата по едва заметным движениям: по тому, как Марк слишком часто сглатывал, как его плечи были неестественно напряжены, как он то и дело касался внутреннего кармана, где лежали проклятые деньги. Никита перевернул страницу книги, но ни одного слова не дошло до его сознания.

— Брат, — наконец выдавил Марк, не оборачиваясь. Голос звучал натужно-бодро, фальшиво. — Могу я просто выйти на улицу? Ты сегодня меня даже из палаты не выпускаешь. Подышать?

Никита медленно закрыл книгу и положил на тумбочку.

— Зная тебя, я бы держал тебя рядом даже в туалет за руку, — сказал он тихо, но в голосе зазвенел металл. — Ты думаешь, я не вижу? Ты весь день как на иголках.

— Мне просто нужен воздух, — Марк наконец повернулся. — Я больше не могу сидеть в этих стенах. Я захлёбываюсь здесь.

— Ты захлёбываешься не здесь, — жёстко ответил Никита. — Ты захлёбываешься собственным геройством. Я знаю, куда ты собираешься. К Генadiю. Откуда деньги?

Марк вздрогнул, но взял себя в руки.

— Не собираюсь я туда, — сказал он слишком поспешно. — Я же обещал. А деньги... я заработал.

— Где? Где ты мог заработать такие деньги? Если ты пойдёшь к бандитам, я... я не знаю, что я сделаю. Но я буду против.

— Я устроился курьером и попросил аванс.

— Такие деньги — авансом? Я с трудом верю.

В этот момент в палату, не постучавшись, вошёл доктор Смирнов. Он нахмурился, увидев напряжённые фигуры братьев.

— Что за шум? — строго спросил он. — Никита, тебе нельзя волноваться. Марк, что случилось?

— Мне нужно на набережную, погулять, — начал было Марк, но осёкся, почувствовав себя маленьким и жалким. — Мне нужно выйти. Ненадолго. Я задыхаюсь в четырёх стенах.

Никита резко сел на кровати, капельница дёрнулась.

— Нет! — крикнул он. — Доктор, не отпускайте его! Он врёт! Он идёт к ним!

Доктор Смирнов перевёл взгляд на Марка. Он уже знал правду. Он знал всё — о ремне, о деньгах, о расписке, о «Империи». Он видел, как Марк стоит, понунив голову, как его плечи дрожат.

— Никита, успокойся, — твёрдо сказал Смирнов. — Не дёргайся.

— Мне плевать, — прошептал Никита.

— Никита, он просто пойдёт и погуляет, — сказал врач, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. — Ему нужен воздух.

— Да, я знаю. Но я боюсь, что он уйдёт и не вернётся.

В комнате повисла тишина. Марк подошёл к кровати брата, опустился на колени и взял его тонкую, ледяную руку в свои.

— Посмотри на меня, — сказал он хрипло. — Я не погибну. Я просто погуляю и вернусь.

— А если будет что-то страшное? — спросил Никита.

— Тогда я вернусь обязательно, — тихо ответил Марк. — Ты — моя причина, брат. Чтобы жить.

Он поднялся, посмотрел на доктора Смирнова.

— Доктор, вы присмотрите за ним, пока меня нет? Я вернусь к десяти вечера.

Смирнов долго смотрел на него, потом медленно кивнул.

— Я прослежу, чтобы Никита принял лекарства и спал, — сказал он. — Но ты помнишь наш разговор. Если что — звони мне. Я приеду.

Марк накинул куртку, застегнул молнию, и его пальцы на мгновение замерли на внутреннем кармане, где лежала визитка юриста Морозова и горький груз невыполненного обещания. Он повернулся к Никите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.